

ДВА ПИСЬМА О ДУЭЛИ И СМЕРТИ ПУШКИНА

Публикуемые письма о дуэли и смерти Пушкина любопытны, прежде всего, как свидетельства двух лиц, принадлежащих к разным социальным группам. Это голоса из двух лагерей.

Первое письмо принадлежит Елизавете Сергеевне Волковой (1814—1906), впоследствии бывшей замужем за офицером русского флота, англичанином Слингером. Елизавета Сергеевна — дочь попечителя Московского университета, Сергея Аполлоновича Волкова (ум. 1854), и гр. Дарьи Юрьевны Виельгорской, сестры известных гр. Михаила и Матвея Виельгорских.

Письмо адресовано Екатерине Александровне Соимоновой (1812—1879), сводной сестре приятеля Пушкина С. А. Соболевского¹.

В ее рассказе о преддуэльной истории звучит нескрываемое возмущение Пушкиным. Он, и только он, по словам Волковой, виноват во всем происшедшем. Письмо ее — выражение тех мнений, которые раздавались в «позолоченных салонах и раздушенных будуарах» и о которых писала дочь Н. М. Карамзина кн. Е. Н. Мещерская: «Слышались даже оскорбительные эпитеты и укоризны, которыми поносили память славного поэта и несчастного супруга, с изумительным мужеством принесшего свою жизнь в жертву чести, и в то же время раздавались похвалы рыцарскому поведению гнусного оболыстителя и проходимца, у которого было три отечества и два имени. Можно ли после этого придавать цену общественному мнению или, по крайней мере, мнению нашего общества, бросающего грязью в то, что составляет его славу, и восхищающегося слякотью, которая его же запачкает своими брызгами».

Второе письмо принадлежит Николаю Ивановичу Любимову (1811—1875), происходившему из духовного звания и

¹ Письмо печатается по подлиннику, принадлежащему Марье Сергеевне Волковой, которой и приносим нашу благодарность за разрешение напечатать его.

по окончании Московского университета поступившему 21 декабря 1828 г. на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел, где с 1836 г. он был начальником отделения. Окончил свою служебную карьеру Любимов сенатором.

Будучи товарищем по университету М. П. Погодина, Любимов, по переезде в Петербург, состоял с ним в переписке. Из писем Н. И. Любимова (отрывки из них приводятся Барсуковым в «Жизни и трудах М. П. Погодина»)¹ видно, что он был своим человеком в петербургских литературных кругах, чем и объясняется довольно хорошая осведомленность его в преддуэльной истории Пушкина. Но не этим ценно его письмо. Оно значительно неподдельным тоном глубокой взволнованности и печали, так резко контрастирующим с злопахательством светской девицы.

ПИСЬМО Е. С. ВОЛКОВОЙ

Pétersbourg. Vendredi le 29 Janvier 1837.

Toute la ville n'est occupée que de l'épouvantable duel du poëte Pouchkin et de son beau-frère d'Antès-Heckeren.

C'est une sinistre histoire à laquelle personne ne peut rien comprendre: on dit depuis plus d'un an que Heckeren est amoureux de la femme de Pouchkin, pour moi j'ai toujours vu qu'il faisait la cour à la sœur non-mariée qu'il vient d'épouser il y a 15 jours. Quoiqu'il en soit, Pouchkin l'a provoqué mardi par une lettre si infâme qu'il n'a pu se dispenser de se battre: la lettre est adressée au père Heckeren et il n'y est point question du fils, mais le père ne peut se battre comme ministre de Hollande avec un rimailleur fou de férocité: le fils s'est battu pour lui. Il doit la vie au bouton de son habit qui a renvoyé la balle, de sorte, qu'il n'est blessé qu'au bras et au côté. Pouchkin a une balle dans le ventre: les médecins lui ont déclaré qu'il ne pouvait vivre, et il a rempli ses devoirs de chrétien, car l'Empereur lui a écrit qu'à ce prix il prendrait soin de sa femme et de ses enfants: on attend sa mort à tout moment. On ne peut dire à quel point cet événement a répandu une consternation géné-

¹ В архиве Погодина (в Библиотеке СССР им. Ленина) нет печатаемого письма. Не было его и тогда, когда писал свой труд Барсуков. Иначе он привел бы письмо, если не целиком, то в отрывках, но ни того, ни другого он не сделал. Нами письмо печатается по копии П. И. Бартенева, оказавшейся в архиве В. Я. Брюсова. За разрешение напечатать письмо приносим нашу благодарность глубокоуважаемой Иоанне Матвеевне Брюсовой.

rале. J'ai vu Pouchkin au bal mardi: il y était venu pour chercher des seconds pour le duel du lendemain. Sa pauvre femme est dans un état de nerfs épouvantable: volontairement ou involontairement elle est cause de sa mort, quoique personne ne soit responsable des actes d'un homme féroce et sans principes. Pouchkin a mis en vers jadis son père et sa mère¹, il n'est donc pas étonnant qu'il a fait planer sur elle un soupçon de déshonneur que sans lui on n'aurait jamais pu rêver. Pour ma part, j'avoue, que je suis convaincue qu'elle est innocente: mais si même elle ne l'était pas, le mariage d'Heckeren et de sa sœur sauvait les apparences et fermait la bouche à ceux que les premières violences de Pouchkin avaient autorisé à la déchirer. S'il avait une telle haine pour son rival qu'il lui fallait sa mort il pouvait se battre avant la noce, mais après, c'était une infamie.

9 heures après midi.

André Mouravieff² sort de chez nous: il a vu Pouchkin mort: il a rendu l'âme ce matin³. Avant d'expirer, il a reconnu sa femme innocente et a fait dire à l'Emp. que lui seul avait tort et qu'il le priaît de faire grâce aux autres.

Heckeren est sous jugement.

On craint que sa femme deviendra folle, tant ses nerfs sont ébranlés.

Le plus horrible de cette histoire est qu'il n'y a pour justifier tant de désastres qu'un amour-propre froissé. Pouchkin a reçu cet automne une infâme lettre anonyme dans laquelle on lui désignait Heckeren-fils comme rival: les plaisanteries qui accompagnaient cette lettre étaient atroces et tombaient malheureusement sur un homme dont l'amour-propre était aussi féroce que son caractère. Il écrivit alors à Heckeren pour le provoquer en duel: Heckeren répondit qu'il n'allait pas chez lui pour sa femme, mais pour sa belle sœur; Pouchkin exigea alors qu'il l'épousât, et il y a 15 jours qu'il sont mariés. Mais un enragé comme Pouchkin ne pouvait être satisfait à moins de s'être vengé. Je ne sais pourquoi il s'était persuadé que cette lettre anonyme était du père Heckeren, dont la méchante langue est fort célèbre, et voilà pourquoi il lui a écrit mardi cette insolente lettre qui ne pouvait avoir aucune autre réponse qu'une balle.

C'est la plus tragique histoire: les détails du duel sont affreux.

On va se mettre à table. Je vous quitte: adieu, chère Catherine, répondez-moi bien vite et remettez vous de votre inflammation.

Ce mal est dans l'air ici aussi.

¹ Таких стихов не знают пушкинисты.

² Андрей Николаевич.

³ Пушкин скончался в 2 ч. 45 м. дня.

Mes respects à votre maman et mille choses à votre papa ¹.
Je vous embrasse comme je vous aime.
Mes amitiés à Suzanne ².

Перевод:

Петербург, пятница, 29 января 1837 г.

Весь город только и занят ужасным поединком поэта Пушкина и его beaufrère'a Дантеса-Геккерена.

Это — злоподучная история, в которой никто ничего не может понять. Уже более года говорят, что Геккерен влюблен в жену Пушкина, что же меня касается, то я всегда видела, что он ухаживает за незамужней сестрой, на которой он женился всего две недели тому назад. Как бы то ни было, Пушкин вызвал его во вторник письмом столь оскорбительным, что тот не мог уклониться от поединка. Письмо адресовано Геккерену-отцу, и в нем ничего не говорится о сыне, но отец, как посланник Голландии, не может драться с рифмачем, обезумевшим от бешенства. Сын дрался за него. Он обязан жизнью пуговице на своей одежде, от которой пуля отскочила так, что он был только ранен в руку и в бок. Пушкину пуля попала в живот. Врачи объявили ему, что он не выживет, и он выполнил свои христианские обязанности, потому что император ему написал, что за это он позаботится о его жене и детях. Его смерти ожидают всякую минуту. Нельзя описать, до какой степени это происшествие сосредоточивает на себе всеобщее внимание. Я видела Пушкина на балу во вторник. Он явился туда, чтобы поискать секундантов для завтрашнего поединка. Его бедная жена в ужасном нервном состоянии. Вольно или невольно она причина его смерти, хотя никто не ответственен за действия человека дикого и без принципов. Пушкин когда-то пустил стихи насчет своих отца и матери, так что неудивительно было, если он не уважал своей жены. Он сам навлек на нее позорящее подозрение, которое без него никому не пришло в голову. Признаюсь, я со своей стороны убеждена в ее невинности, но если бы это было и не так, брак Геккерена с ее сестрой спасал положение и затыкал рот тем, кому с самого начала бешеные выходки Пушкина давали повод ее терзать. Если он до такой степени ненавидел соперника, что ему была нужна его смерть, то он мог драться, с ним до свадьбы, но после — это была низость.

¹ Александр Николаевич (1780—1856) и Мария Александровна, рожд. Левашева (1794—1869), Соймоновы.

² Дочь их Сусанна Александровна, по мужу Мертваго (1815—1879).

Андрей Муравьев только-что ушел от нас. Он видел Пушкина мертвым: он скончался сегодня утром. Прежде чем испустить дух, он признал свою жену невинной и поручил сказать государю, что виноват он один и что просит помиловать остальных. Геккерен под судом. Опасаются, что его жена сойдет с ума, так потрясены ее нервы.

Самое ужасное в этой истории то, что все эти несчастья вызваны оскорбленным самолюбием одного человека. Пушкин этой осенью получил подлое анонимное письмо, в котором ему указывали Геккерена-сына, как соперника. Шутки в этом письме были ужасны и, к несчастью падали на человека, самолюбие которого было столь же дико, как его характер. Тогда он написал письмо с вызовом на поединок. Геккерен ответил ему, что он появляется у него не ради его жены, а ради его свояченицы. Тогда Пушкин потребовал, чтобы тот на ней женился, и две недели тому назад они повенчались. Но такой бешеный человек, как Пушкин, мог удовлетвориться только мщением. Не знаю, почему он уверился, что это анонимное письмо было послано Геккереном-отцом, который известен своим злым языком. И вот почему во вторник Пушкин написал ему это оскорбительное письмо, на которое единственным ответом могла быть пуля.

Это в высшей степени трагическая история: подробности поединка ужасны.

Идут к столу. Покидаю вас. Прощайте, дорогая Катенька, отвечайте мне как можно скорее и поправляйтесь от вашего воспаления. Здесь также эта болезнь в воздухе.

Мое почтение вашей матушке и тысячу приветствий вашему батюшке. Обнимаю вас так же, как люблю. Дружеский привет Сусанне.

ПИСЬМО Н. И. ЛЮБИМОВА

Вы уже знаете, любезнейший мой Михаил Петрович, о нашем несчастье, о смерти Пушкина...

В прошлую среду 27 Января была фатальная дуэль между ним и неким французским выходцем Дантесом, что ныне Геккерен. Пуля попала в правый бок и остановилась в левом. Его привезли из Новой Деревни (где все происходило) в 5 часов вечера; рана оказалась смертельною; все старания Аренда и других врачей были приложены, но тщетно — 29 Января в 3 часа пополудни он испустил дух свой...

Дело ужасное и самое черное!.. Одна рука сукина сына француза могла подняться на Пушкина.

Ближайшею причиною дуэли — ссора за жену. Дантес или Гекерен, или злодей (как хотите), обхождением своим в обществе с женою знаменитого человека подал повод к разным толкам и сплетням, самым обидным и гнусным. Все это долго и больно рассказывать Вам; но дело в том, что всякий честный человек, а тем более Пушкин, не мог не оскорбиться поступками Дантеса. Назначена была дуэль — и последствия вы знаете.

Теперь нет другого разговора во всех слоях общества. Басням и всяким умышленным и неумышленным нелепостям также несть конца, но вот главнейшие истины, которые подобает знать всем и каждому.

Пушкин вынужден был к этому делу чернейшими и гнуснейшими поступками Дантеса и подобных ему мерзавцев.

Жена его ни в чем не виновата, разве в том, что позволила себе любить свет и обманчивые его удовольствия (в чем почти все женщины виновны), а более ни в чем. — Прощаясь с нею, Пушкин умолял ее, чтобы она не упрекала себя в его смерти, ибо она ни в чем не виновна. Тем не менее составители скандальезных хроник, даже теперь, не стыдятся выдумывать всякую всячину, но кто знает дело, тот знает, что это вздор и сущая клевета, и долг всякого честного человека уничтожать подобные слухи, которыми только возмущают тень Пушкина.

Действия царя во всем этом удивительные, проявившие вполне всю благость и великость души его. Пушкин через Аренда просил у него прощения, просил также не оставить жену и детей его (их четверо: два сына и две дочери). Государь на это отвечал сам письменно и собственноручно, что если уже не суждено им видеться в этом свете, то во всяком случае посылает ему свое прощение и просит только умереть христианином, а чтоб о жене и детях не беспокоился — он берет их под свое покровительство. Затем по смерти его царь немедленно повелел: 1) напечатать все его творения на свой счет в пользу семейства, 2) жене и детям назначен пенсioen (жене по 5 тыс. руб., а тем по 1500 или по 2500 руб., не знаю хорошенько, вообще всего более 10.000 руб.), 3) двух дочерей, как вырастут, отдать на воспитание в Смольный монастырь, 4) сыновей пожаловал в пажи, 5) велено заплатить все частные и казенные долги Пушкина (а их немало), 6) имение освободить из-под залога, 7) деревню, где будет покоиться прах Пушкина, на вечные времена оставить в его роде (в виде майоратства); сверх того: на похороны дано 10.000 руб. Говорят, будто царь сказал Жуковскому, чтобы пересмотреть все его бумаги и буде бы нашел в них что-либо даже против него или вообще могущего повредить в чем бы то ни было памяти Пушкина, — которая

должна для всех русских быть священной, — то сжег бы, не спрашиваясь и не говоря ему об этом ¹.

Сам Петр Великий не мог бы сделать более. Все это чувствуют и из глубины сердечной благодарят его (наследник сам приезжал осведомляться о здоровье Пушкина).

С этим вместе, во всех слоях общества, все, что имеет душу, а не тряпку, все ревет против поступка Дантеса (нового Герострата), который был и призрен у нас, принят в гвардию, принят в лучшее общество — и вот теперь чем за все отплачивает. Гекерен усыновил его (голландский посланник), и партия его повсюду распускает слухи, что после письма, которое получено было от Пушкина, приемышу его ничего другого не оставалось делать как стреляться с ним, что не он, а Пушкин вызвал его. — Но спрашивается, что подало повод, что было причиною этого письма?.. Есть поступки, за которые не то что нищут грубые письма, а просто плюют в рожу.

Чтобы прекратить всякие толки и зажать уста клеветников, Пушкин еще до последней своей истории, по объяснении с Дантесом (который будто бы объяснил ему тогда, что ухаживания его имели целью не жену, а сестру жены Пушкина), заставил этого подлеца жениться на реченной сестре (Гончаровой), прекратив, как говорят, всякие с ним сношения. Кажись бы, дело и кончено, но на бале, который недавно был у гр. Воронцова-Дашкова, он, т.-е. тот же сукин сын, явившись, уже с супругою, не устыдился опять возобновить при всех и как бы в явное поругание над Пушкиным свои ухаживания за его женою. Потом (да и до этого) Пушкину посыпались разные анонимные письма и пасквили, и молва гласит теперь, что главный источник этих пакостей — старик Гекерен, которому досадно было, что Дантес против собственной воли вынужден был к браку, который не соответствовал его видам. Конечно, пред вечностью все это ничего не значит, особенно для поэта все это дрязги, но прежде всего мы люди и прежде всего дорожим честью.

Не забудьте, что как ни хороша жена Пушкина, как она ни привлекательна, ни один из русских (а кажется, что нашлись бы почище Дантеса) не позволил себе никаких неприличных с нею обращений. Есть на земле люди и все, что к ним принадлежит, которые должны быть святынею для всех и каждого. Надобно же было быть мерзавцем в последней степени, чтобы.. Но что и

¹ Дантес (полковник, брат Бориса Карловича), который был у Пушкина секундantom, как все говорят, также прощен. Он был и на похоронах Пушкина. Его ни в чем не видят, так как он поступил, как всякий благородный человек при этих случаях поступает

говорить об этом. Главное не в том, а в том, что мы лишились Пушкина, и перед этим все прочее исчезает.

Жуковский, Вяземский и многие другие были почти безотлучно в последние часы его жизни. Жуковский особенно: он проводил у него и ночи. Пушкин помер в самый день его рождения, трагическая и неожиданная кончина друга убивает его. и боятся даже за его здоровье, хотя он теперь еще на ногах; это одно, что еще привязывало его к жизни. Все знали об их дружбе, но теперь только узнали всю степень этой дружбы.

Только лишь разнесся слух о кончине Пушкина, все решительно, в ком есть капля русской крови, и старый и малый, все побрели в дом его поклониться и отдать последний долг великому: одна толпа сменялась другою, так что на второй же день приставлена была полиция. Замечательно, что даже купечество, мещане и тому подобный народ беспрестанно приходили к нему. Это лучшее доказательство, что слава его проникла в преисподняя земли сей. Зато как гадка, как отвратительна была холодность некоторых (которых, к сожалению, здесь также немало).

Отпевание тела происходило 1 февраля в понедельник, в Конюшенной церкви. Стечение было ужасное, хотя ожидали еще большего. Пускали в церковь только тех, кто захватил с собою пригласительный билет, следственно — многие и вся масса оставались на улице; но, несмотря на это распоряжение, церковь все-таки была почти переполнена. Никогда не забуду этой минуты, как скорбной чередой стали подходить к усопшему и в последний уже раз прощаться с Пушкиным... Особенно, когда Жуковский, Вяземский, Крылов и некоторые другие прощались с ним. Многие навзрыд плакали...

Тело его пока еще здесь¹, но на днях повезут его (коли уже не повезли)² в его деревню в Псковскую губ., где написан Онегин и многие другие его творения. Это собственное желание покойного, чтобы похоронили его в этой деревне, т.-е. не в деревне собственно, — а близ лежащем Святогорском монастыре.

Он помер христианином, совершив весь обряд христианский, как подобает; во все время был спокоен, разговаривал мало, ибо был в совершенном изнеможении от раны. В последний день он говорил, что ему легко. Последние слова его были (Далю, который переправлял у него под головою подушку):

¹ Выносили тело во 2-м часу ночи, и потому только самые близкие люди могли при этом присутствовать и проводить его.

² Оно поставлено было в особое гробохранилище, при той же церкви имеющееся.

«Кончено ли?» На ответ Даля (который думал, что дело идет о подушке), что кончено, Пушкин спросил: «Жизнь кончена?»— и потом вскоре умер.

С него успели списать несколько портретов уже с мертвого, как лежал он в гробе¹. Один из них, говорят, очень похож. По смерти он несколько почти не изменился, и только в последний день, как вынесли тело, лицо начало несколько портиться. Сняли также с него слепок, так что мы будем иметь и бюст его.

Пушкин можно сказать пал жертвою петербургского общества и людской злобы.—Зачем было ему жить здесь, зачем жениться!..

Из появившихся стихов на его смерть замечательнее прочих Лермонтова, но вряд ли можно будет их напечатать. Никакой речи при его погребении говорено не было.

Дантес теперь под судом; у него прострелена рука. Для чести России думать надобно, что он не останется без должного наказания, хотя есть люди, qui remuent ciel et terre за него.

Современник, вероятно, будет продолжаться (друзьями Пушкина), уже подана и просьба, как вчера слышал от Одоевского. Он также с своей стороны хотел обо всем написать Шевыреву. Я же имел непреодолимую потребность писать к вам. Как жаль, что я теперь не с вами, мой любезнейший! Да сохранит вас бог! Прощайте!

Ваш Н. Любимов.

С.-Петербург.
3 февраля 1837 г.

¹ Может быть, один из них на-днях явится при Литературных при-
бавлениях к «Инвалиду».

ПАМЯТИ
П. Н.
САКУЛИНА
СБОРНИК СТАТЕЙ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
«НИКИТИНСКИЕ СУББОТНИКИ»
Москва—1931